

ЕКАТЕРИНА БАРСОВА

ОДИН ЗАПРЕТНЫЙ
ВЕЧЕР

Москва
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б26

Оформление серии *Е. Окольциной*

Редактор серии *А. Антонова*

Ранее роман издавался под псевдонимом *Е. Гринева*

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Барсова, Екатерина.

Б26 Один запретный вечер : [роман] / Екатерина Барсова. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Французский шарм. Лучшие детективы).

ISBN 978-5-04-112041-2

Саша несколько лет не видела свою сестру-близняшку — с тех пор, как та вышла замуж и уехала в Париж. И вот Эва неожиданно вернулась и огорошила Сашу новостью: совсем скоро она станет мамой! Но о том, почему сбежала от мужа и хочет рожать дома, Эва ничего не рассказала, упомянула лишь, что в Париже за ней следила какая-то странная женщина. И вскоре Саша тоже встретила ее! После этого Эва исчезла... Поиски навели Сашу на след таинственной медицинской организации, и она приехала в Москву, к журналисту Косте по прозвищу Ангел. Вместе они посетили фирму, которая занимается экспериментами со стволовыми клетками, рекламируя их в качестве универсального средства омоложения. После этого Саша и Костя поняли, какая опасность угрожает Эве... Но где ее искать?

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Барсова Е., 2020

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-112041-2

Я посмотрела в окно. На улице шел повесенному шустрый, спорый дождик, который весело барабанил по большому раскидистому кусту сирени, росшему перед самым окном, и этот монотонный звук странным образом успокаивал меня, отвлекая от тревожных мыслей.

Я сильно нервничала. Сегодня из Парижа приезжала моя сестра Эва, с которой я не виделась вот уже шесть лет. Я должна была приготовить ее любимую тушеную курицу с баклажанами и помидорами, но вместо этого я стояла и смотрела в окно, мучительно пытаюсь понять: как мне себя вести с ней – сделать вид, что ничего и не было, или все-таки высказать ей свое «фи», пусть и в мягкой форме.

Ее бегство шесть лет назад из родительского дома в Париж к любимому мужчине произвело в нашей семье эффект разорвавшейся бомбы.

Моя мать плакала и говорила, что она так и думала: «все закончится чем-то подобным. И уж точно ничем хорошим». Я изо всех сил пыталась ее успокоить. Отец стучал кулаком по столу и орал, что он лично пристрелит этого сукиного сына, укравшего у него дочь.

Я металась между ними, стараясь восстановить хрупкое подобие семейного мира. Правда, почти с нулевым результатом. Я накапала матери в рюмку корвалол и сказала скороговоркой:

– Вот увидишь, она скоро вернется. Через месяц. Максимум через полгода. Она же такая неприспособленная, изнеженная девочка. Разве она сможет жить самостоятельно и вести дом?

Эва не вернулась. Ни через месяц. Ни через полгода.

С тех пор все в нашей семье пошло наперекосяк. Вскоре у отца обнаружили рак поджелудочной в запущенной форме, и он сгорел как свечка через два месяца. Мать, оставшись и без отца, и без своей любимицы, стала ворчливой и раздражительной, вспыхивала из-за любого пустяка. Потом раздражительность сменилась полной апатией и бесконечными слезами. Когда у нее случился инфаркт, повлекший за собой смерть, я подумала, что она ушла из жизни, потому что жить ей было уже незачем.

И вот теперь Эва, объявившаяся почти из небытия, приезжала к нам в город на девятом месяце беременности. Когда я разговаривала с ней по телефону, меня поразил ее голос – усталый и тревожный. На все мои расспросы она отвечала скороговоркой: «Все расскажу потом. Я хочу приехать, и ты не можешь мне в этом отказать. Я хочу сходить на могилу родителей и побывать в родном городе».

Я тупо молчала, потом выдавила:

– Ну, приезжай.

– Спасибо, – вспыхнула Эва. – Ты очень любезна.

Один запретный вечер

– Какая есть, – парировала я. – Может, тебя встретить?

– Ни-ни. Доберусь сама. У меня для тебя приятная новость. – И, немного помолчав, она добавила: – Скоро ты станешь тетей.

– Какой тетей? – не поняла я.

– Александра! Ты иногда бываешь жутко непонятливой, – отчитала меня Эва. – Я беременна. Неужели не ясно? Бе-ре-мен-на.

Я стояла в легком ступоре, пока не выдавила:

– Поздравляю.

– Благодарю, – в голосе Эвы звучала легкая насмешка. – Значит, я могу рассчитывать на твое гостеприимство?

– Конечно. Только я, скорее всего, буду в это время на даче.

– Приеду туда, – сразу откликнулась Эва, – какие проблемы.

– Действительно, никаких.

Обменявшись напоследок парой-тройкой ничего не значащих фраз, мы простились.

Повесив трубку, я еще какое-то время пребывала в столбняке. Приезд Эвы был из ряда вон выходящим событием. Вроде высадки инопланетян на Красной площади. Я уже вычеркнула ее из своей жизни. Она звонила мне примерно раз в полгода и говорила, что у нее все нормально. На вопрос, можно ли с ней как-то связаться, Эва неизменно отвечала, что ее муж против контактов с родными и она может только изредка звонить нам и сообщать, что в ее жизни все хорошо, она счастлива и довольна.

Честно говоря, я здорово разозлилась на нее за все эти штучки-дрючки, и с некоторых пор ее жизнь была мне по барабану. Мне было безумно жаль отца и особенно мать, которых побег сестры кардинально подкосил. Эва всегда была их любимицей.

Обычно по телефону я разговаривала с ней сухо, и после разговора каждый раз оставался неприятный скребущий осадок: вроде царапнули наждаком и оставили глубокую отметину. После смерти матери, которая умерла два года назад, Эва вообще перестала звонить, и я подумала, что сестра мучается угрызениями совести и поэтому оборвала все связи.

И вот теперь эта блудная дочь, воскресшая из небытия как Феникс из пепла, собиралась приехать ко мне на дачу. Я уже пару раз жалела о том, что не послала ее далеко и надолго. Потом я ругала себя за такие мысли и говорила, что она все-таки, несмотря ни на что, мне сестра, к тому же Эва в положении, захотела приехать на могилу родителей, и я должна быть к ней снисходительна.

Эти уговоры помогали слабо. Я не могла простить Эве ни ее побега, ни смерти родителей.

И в таком раздрае я провела всю неделю с момента ее звонка. Мой бойфренд Денис несколько раз говорил мне:

– Слушай. Если тебе так хреново, пошли ее, и все. Хочешь, я сам свожу ее на могилу и оставлю там под присмотром покойников.

– Ну у тебя и шуточки, офицер! – злилась я. – Думай своей башкой, что говоришь. Она – моя сестра – раз. И в положении – два.

– Да какая она тебе сестра! Проститутка долларовая. Погналась за деньгами, смоталась в сытый город Париж. О родителях даже не подумала. А ты теперь расстилаться перед ней должна? За какие-такие почести-заслуги?

– Я все понимаю, Денис. Но не могу я вот так развернуться и дать ей от ворот поворот. Не могу, – тихо говорила я. – А потом, она не проститутка. У них была любовь. Понимаешь, любовь.

Я вспомнила, как Эва с сияющим лицом приехала из Франции и с порога выпалила, что влюбилась. Она не могла скрывать ни своей влюбленности, ни своего счастья. У молодых влюбленных такие лица, что посмотришь – и никаких слов для объяснений не надо. Все на лице написано о них – самозабвенно-глупых, не умеющих скрывать свои чувства ни друг от друга, ни от посторонних. Франсуа такой замечательный, стрекотала Эва. И к тому же великолепно знает русский язык. Его мать – наполовину русская и выучила его родному языку.

Эва светилась изнутри, и было видно, что нет такой силы и препятствий, которые помешали бы ей на пути к счастью...

– Лю-бовь, – с расстановкой сказал Денис. – Да какая это, к черту, любовь, если она всем принесла одни страдания! Ты из-под отца судна выносила, пока она со своим хахалем миловалась. Так, что ли?

И здесь я расплакалась.

Денис вскочил с кровати и мгновенно подошел ко мне.

– Санек! – Его лицо исказилось. – Ну, прости меня. Ляпнул я так. Не подумав. Правда, прости.

Он обхватил меня обеими руками и прижал к себе.

– Ладно. – Я уперлась руками ему в грудь. – Заметано. Только больше своим языком не мели. Фильтруй базар. Мне и без тебя тошно.

Я взглянула на часы. Эва уже прилетела в аэропорт и должна где-то через час-полтора быть у меня. Я закрыла глаза. Разделанная курица лежала на столе. Надо было готовить, но я чувствовала себя такой обессиленной, что даже кружилась голова.

Дождь стихал. Я распахнула окно. Мне нужен был свежий воздух, иначе еще немного – и я задохнусь от наплывших воспоминаний.

Прохладные капли упали на разгоряченные лицо и руки. Я вдохнула нежный запах сирени и закрыла глаза, пытаясь прийти в себя. Неожиданно меня отвлек звук подъехавшей машины и крик:

– Александра! Это я-я-я.

Я охнула и рванула к калитке, услышав знакомый голос.

Около калитки уже стояла машина, а в ней – сидела моя сестра. Спустив ноги на землю, она пыталась открыть ярко-синий зонт.

– Эва! – пробормотала я, распахивая калитку. – Ты же должна была приехать позже.

По лицу сестры пробежала тень.

– Я сменила рейс, – сказала она высоким голосом. – Так пришлось. Да помоги же мне раскрыть зонт. Заело.

Один запретный вечер

– Сейчас.

Я взяла зонт из ее рук.

Шофер, татарин лет сорока, с легкой усмешкой смотрел на нас.

– Ты же промокнуешь, сумасшедшая, – сказала Эва. – Хоть бы плащ накинула или зонт взяла.

– Не подумала, – призналась я. – Как услышала твой голос...

Наконец зонт был раскрыт, и Эва с трудом вылезла из машины. Она была в джинсовом комбинезоне и белой блузке с коротким рукавом.

– Моя сумка в багаже. Ринат поможет тебе.

Шофер стремительно вышел из машины и, открыв багажник, взял оттуда темно-зеленую сумку и передал мне.

– Все? – вопросительно посмотрел он на Эву.

– Все, – кивнула она и подарила ему одну из своих обворожительных улыбок. Я уже и забыла, как легко умеет кружить головы мужчинам моя сестра.

– Ну, что стоишь? – обратилась она ко мне. – Пошли...

В одной руке у меня была сумка, на другую – опиралась Эва. Она шла медленно и тяжело дышала. Наконец мы взошли на крыльцо, и она схватилась за перила.

– Трудно перенесла полет. Все время тошнило...

– Как же тебя в самолет-то пустили? С таким животом?

Эва снисходительно посмотрела на меня.

– Ты рассуждаешь, как бабка на завалинке. На самом деле у каждой авиакомпании свои правила.

На самолетах французской Air France можно летать, только нужна справка от врача с ожидаемым сроком родов. Все очень просто, сестренка.

– И когда у тебя? – кивнула я на живот.

– Примерно через три недели.

Я молчала. Теперь я могла разглядеть ее как следует. Во-первых, она сильно осунулась, а во-вторых, от ее безмятежно-невинного выражения лица, которое так нравилось мужчинам, ничего не осталось. Глаза смотрели тревожно и пристально. В уголках губ были складки, как у капризной девочки, которая клянчит новую игрушку и готова вот-вот расплакаться, чтобы поиграть на нервах.

– Может, мы зайдем в дом?

– Зайдем, – эхом откликнулась я.

Я открыла дверь на веранду и поставила сумку на пол. Я основательно промокла, но почувствовала это только сейчас.

Эва вошла на веранду и направилась к старому креслу, покрытому покрывалом с изображением играющих котят. Это покрывало было на даче давно, сколько я себя помнила.

Она опустилась в кресло и вцепилась руками в старые, со стертой лакировкой подлокотники.

– Ну, здравствуй, сестренка! – усмехнулась она. – Давненько мы не виделись.

– Кто там у тебя? – кивнула я на живот.

Она наклонила голову и погладила живот.

– Девочка! – прошептала она. – Дочка. Машенька.

Я вздрогнула и отвернулась. Марией звали нашу мать.

Один запретный вечер

Огромные бездонные глаза Эвы, не мигая, смотрели на меня.

– Я ужасно устала и хочу спать, – протянула она. – И есть.

– Господи! – ахнула я. – Я же ничего не приготовила. Я не ожидала, что ты перенесешь рейс. А меня заранее в известность ты не поставила.

– Ладно. Поем потом. Наша спальня по-прежнему наверху?

– Да. Все у нас по-прежнему. Я здесь ничего не меняла.

Она встала с кресла и сделала движение рукой.

– Ты кому-нибудь говорила о моем приезде?

– Нет. Только Денису.

– Кто такой Денис? – тревожно спросила Эва.

– Бывший офицер-спецназовец и по совместительству мой любовник. Я тебе о нем уже говорила по телефону. Когда ты звонила мне из Парижа.

– Понятно. А он?

– Что он?

– Кому-нибудь говорил?

– Слушай! – не выдержала я. – Если ты думаешь, что все сбегутся смотреть на приехавшую парижанку или что-то в этом роде, ты глубоко ошибаешься. До тебя здесь нет никому дела. Это тебя устраивает?

– Да, – прошептала Эва. – Ты не забудешь положить в курицу баклажаны?

– Не забуду.

Я помогла Эве подняться по лестнице на второй этаж и довела ее до кровати.

– Та самая... – расплылась она в улыбке. – На которой я спала в детстве.

– Ты промокла? Тебе дать сухое белье?

– Пожалуйста.

Эва вдруг стала непривычно кроткой.

Я принесла ей свой халат.

– Отвернись. Я переоденусь.

Я чуть не улыбнулась. В этом была вся моя сестра. Кружить головы мужчинам – это запросто, а здесь внезапный приступ стыдливости – «отвернись!».

Я отвернулась и, когда услышала:

– Я – все, – развернулась и подошла к кровати.

Эва сидела на кровати в моем малиновом в белый цветочек халате с незастегнутыми пуговицами на животе.

– Не сходится.

– Слушай, я тебе принесу мамин халат. Как я сразу не догадалась, что тебе нужна одежда большего размера.

– Не надо. – И тут я увидела, что Эва изо всех сил старается не расплакаться. – Я усну и так. Только накрой меня одеялом. Пожалуйста.

Я достала из старого гардероба с разохшимися дверцами войлочное одеяло и накрыла им сестру.

– Так лучше?

– Да, – прошелестела она.

И тогда я неожиданно нагнулась и поцеловала ее в лоб. Она закрыла глаза, и по ее губам скользнула легкая улыбка.

– А теперь иди. Пожалуйста.

Спустившись с лестницы, я не удержалась и

посмотрела на себя в небольшое овальное зеркало, висевшее в коридоре. Интересно, я так же буду выглядеть, когда забеременею? Ведь мы с Эвой сестры-близнецы!

Пока курица тушилась на сковороде, а Эва спала наверху, я нервно курила одну сигарету за другой, вспоминая жизнь до побега Эвы в Париж.

Мы родились с ней почти одновременно с разницей в двенадцать секунд, и это время роковым образом сказалось на наших судьбах. Эва была объявлена «младшенькой», и с тех пор роли в нашей семье были четко распределены. Я была умницей, а Эва – красавицей и к тому же объектом особого обожания со стороны родителей. Игрушки нам дарили одинаковые – на это я пожаловаться не могу. А вот что касается отношений... что прощалось Эве, не прощалось мне. И наоборот.

Ситуацию усугубляло то обстоятельство, что Эва росла слабым, болезненным ребенком и умудрялась подцеплять все существующие болезни, от которых по странной иронии судьбы я уберегалась. От малейшей простуды у Эвы поднималась температура, и мать заступала на вахту около ее постели, даже если в этом и не было никакой необходимости. Эва лежала как принцесса, окруженная заботой и вниманием, тогда как я в это время была предоставлена самой себе.

Я была крепкой хорошисткой, Эва – троечницей, но в глазах родителей это не имело никакого значения. Главное – здоровье, говорила моя мать. И внешность, с улыбкой прибавляла она. А Эва с детских лет была признанной кокеткой, и ни у кого